

Улицы были пустынно и пропитаны пронизывающим холодом. Река опоясывала центр города, превращая его в подобие уединенного острова, и лишь несколько голубей суетливо прыгали у моста, выискивая в щелях мостовой случайный корм.

Предстояло пройти немалый путь, но в этой мелочи Чу Юнь проявил редкую, почти неожиданную снисходительность. Он не стал злиться или выражать недовольство из-за того, что им пришлось сделать несколько лишних шагов.

Отражение старинных домов на противоположном берегу дрожало в темной воде, создавая иллюзию иного, безмолвного и призрачного мира.

В бледном утреннем свете Чу Юнь смотрел на их тени, которые слились воедино на сером камне, когда Ши Цзянь вдруг мягко, почти неощутимо потянул его в сторону, уводя подальше от кромки берега.

Чу Юнь обернулся, на мгновение задержав взгляд на нежном профиле Ши Цзяня, и, поддавшись внезапному порыву, скользнул рукой в глубокий карман его пальто.

Человек, который в обычной жизни не знал страха, в глубине души немного опасался воды.

Однако забота Ши Цзяня в этот момент казалась почти чрезмерной: он просто ненавидел морские волны и непредсказуемые речные течения, а при виде слишком бурной, неистовой воды начинал задыхаться, словно воздух вокруг становился слишком густым.

- Нравится здесь? - спросил Чу Юнь.

Ши Цзянь, глядя на белых голубей, стремительно пролетающих над каналом, тихо кивнул.

Здесь было мало людей, и вокруг царил глубокая, почти осязаемая тишина.

- Тогда побудем здесь подольше, - решил Чу Юнь.

- Ничего страшного, - заботливо отозвался Ши Цзянь. - Разве ты не занят?

В тот же миг он почувствовал, как рука, которую он держал, внезапно напряглась, а линия профиля Чу Юня, попавшая в поле зрения, стала жесткой и холодной.

Воцарилось тяжелое молчание. Ши Цзянь втайне корил себя за неосторожность: в этот редкий момент умиротворения он потерял бдительность и посмел возразить на решение Чу Юня, пусть даже в самой мягкой форме.

Но ожидаемая вспышка гнева не последовала.

Они молча двинулись вперед. Острые, устремленные в серое небо шпили готических зданий отражались в темных водах канала, а древний кирпич и камень, видевшие на своем веку бесчисленные годы и смену эпох, безмолвно наблюдали за этой странной парой влюбленных.

Вдоль канала тянулся холодный, колючий ветер, густо пропитанный утренним туманом.

Чу Юнь внезапно остановился, тщательно и медленно поправил шерстяной шарф на шее Ши Цзяня и первым нарушил тишину:

- Не говори того, что может меня разозлить.

Ши Цзянь в ответ лишь тихо отозвался, хотя в глубине души понимал, что выполнить эту просьбу почти невозможно.

Ши Цзянь не знал, какие именно слова, в какое время, в каком месте и с какой именно интонацией можно произнести, чтобы не вывести Чу Юня из себя.

Не злить Чу Юня - это была задача, требующая не столько мастерства, сколько невероятно удачного стечения всех возможных обстоятельств.

На старых домах, выстроившихся вдоль улицы, висели темно-красные рождественские венки, а

вдалеке изредка, нарушая покой утра, раздавался тонкий звон велосипедного звонка.

Пожилая пара, бережно поддерживая друг друга, медленно ковыляла по каменному мосту, и в зеркальной глади реки отражались их фигуры, идущие рука об руку.

Это выглядело прекрасно и трогательно, словно сцена из старой доброй сказки.

Увы, в жизни этих двоих слово «сказка» было фактически запретным; оно срабатывало как сигнал тревоги, напоминая о суровой реальности.

Чу Юнь снова взял Ши Цзяня за руку.

Их пальцы тесно переплелись. Проходя мимо седовласой пары, Ши Цзянь не удержался и обернулся. В этот миг ему показалось, что произошло странное перемещение во времени, своего рода обмен душами с теми стариками.

Там, в далеком будущем, он тоже мог бы состариться вместе с Чу Юнем, оставаясь рядом до самого конца жизни.

Эта мимолетная мысль заставила сердце Ши Цзяня слегка сжаться. Он чего-то ждал от будущего, но в то же время, пребывая в глубокой растерянности, думал о том, что, подобно своему разбитому и прерывистому прошлому, он никогда по-настоящему не жаждал этого будущего.

Чу Юнь крепче сжал его руку, и Ши Цзянь поспешно отвел взгляд, снова уставившись на профиль Чу Юня.

Густой водяной пар, поднимавшийся над каналом, окутывал их, создавая вокруг своего рода кокон.

Чу Юнь истолковал этот взгляд по-своему:

- Я красивый?

Ши Цзянь не сдержал легкой улыбки, но честно кивнул:

- Красивый.

Конечно, красивый. Даже если к внутреннему миру Чу Юня можно было предъявить массу претензий, его лицо было бесспорно прекрасным.

Он был настоящим шедевром, тщательно и с любовью выточенным творцом: изящнее, чем мужественные черты старшего брата, и острее, чем яркая, ослепляющая красота старшей сестры.

Из троих детей он больше всех походил на мать.

Вдалеке, в сером, затянутом облаками небе, проступал величественный шпиль собора Святого Бавона, откуда доносился мерный, торжественный звон колоколов.

- Хочешь посмотреть? - спросил Чу Юнь.

На этот раз Ши Цзянь замешкался, не зная, что ответить.

Чу Юнь не стал ждать его решения.

Внутри собора было необычайно холодно, и при каждом выдохе в воздухе клубился легкий белый туман.

Едва они вошли, Чу Юнь снова взял его за руку.

Он пристально, почти заворожено смотрел, как Ши Цзянь аккуратно и бережно надевает на него черные кожаные перчатки, а когда Ши Цзянь наконец поднял голову, Чу Юнь мягко улыбнулся ему.

Из-за этой улыбки Ши Цзянь, радуясь, что всё сделал правильно, тоже улыбнулся в ответ.

Свет, проникавший сквозь огромные, многоцветные витражные окна, ложился причудливыми пятнами на массивные каменные колонны собора.

Ши Цзянь не удержался и с любопытством огляделся, а когда пришел в себя, то обнаружил, что стоит в выставочном зале в конце галереи и смотрит на знаменитый Гентский алтарь.

Он замер, затаив дыхание и любуясь шедевром, который внезапно сошел со страниц книг и спустя сотни лет предстал перед его глазами во всей своей красе.

Не в силах объяснить причину, он был глубоко потрясен и, поддавшись неведомому притяжению, принялся изучать картину дюйм за дюймом, внимательно рассматривая её сверху донизу.

- Можешь себе представить, что Гент пятнадцатого века был куда оживленнее нынешнего, - голос Чу Юня прервал этот безмолвный взгляд сквозь века.

Ши Цзянь вздрогнул и обернулся к Чу Юню.

Чу Юнь поднял руку, указывая на центр композиции:

- В христианском вероучении это символ чистейшего самопожертвования.

Восемнадцать панелей складывались воедино, а в самом центре был изображен Агнец.

Ши Цзянь невольно поддался влиянию его слов и проследил за движением его руки.

На алтарной картине переплетались фигуры представителей самых разных сословий. Божества, рыцари, смиренные прихожане, простые крестьяне... все они совершали паломничество к безымянному Агнцу в центре.

Кончик пальца Чу Юня медленно скользил по фигуре Агнца, очерчивая направление, в

котором двигалась эта бесконечная толпа:

- Столетиями алчные люди крали его, разбирая на части, но всегда находились те, кто хотел собрать разрозненные фрагменты воедино.

Историки искусства часто придают этому долгому пути романтический оттенок, утверждая, что картина всегда находилась благодаря победе «коллективной памяти».

Ши Цзянь невольно вздохнул:

- Настоящее чудо.

У Чу Юня не было веры, и легенды о чудесах его совершенно не интересовали:

- Это не чудо. Это человеческое упорство.

Ши Цзянь на мгновение замер, медленно повернул голову, чтобы еще раз взглянуть на профиль Чу Юня, и больше не стал вступать в разговор. Он лишь молча, снова и снова, переводил взгляд с лица своего спутника на полотно.

Таким Чу Юня он видел крайне редко: его губы не трогала улыбка, но в то же время черты лица не казались такими резкими и колючими, как обычно. Должно быть, он был предельно сосредоточен, раз даже не заметил, как часто и пристально Ши Цзянь бросал на него взгляды.

- Восемнадцать панелей, и свет с тенями на них совпадают идеально. Даже если снять одну-единственную панель, все проекции всё равно будут направлены в одну сторону... Это терпение, которое граничит с истинным безумием.

Ши Цзянь не сразу понял, была ли эта фраза похвалой, но, зная характер Чу Юня, решил, что для него это, пожалуй, стало высшей степенью одобрения.

- Масляная живопись часто создает ложное впечатление романтической импровизации, но здесь каждый мазок, каждая линия были тщательно и расчетливо продуманы. Красный цвет, который ты видишь, - это фирменный почерк мастеров ван Эйк: сначала наносится слой серо-зеленого, а затем поверх него ложится прозрачный красный...

Чу Юнь указал пальцем на тонкую нить жемчуга:

- Блики здесь созданы с помощью бледно-желтого, серо-голубого и прозрачно-зеленого цветов, наложенных слой за слоем...

Затем он медленно провел рукой вдоль кожи изображенных персонажей:

- Холодные и теплые тона кожи намеренно подчеркивают классовые различия между людьми...

Он говорил медленно, спокойно и почти без остановки, что совершенно не было похоже на его обычную манеру общения.

Ши Цзянь молча смотрел на его профиль и вдруг остро почувствовал себя посторонним. Ему казалось, что он просто стоит в этом соборе, выступая случайным свидетелем некой неразрывной, почти сакральной связи между Чу Юнем и этим миром.

- Здесь есть и то, что тебе нравится.

Голос Чу Юня внезапно вырвал Ши Цзяня из состояния оцепенения.

Проследив за направлением его пальца, Ши Цзянь обнаружил в углу картины знакомые, родные образы. Здесь, разумеется, ему не требовались никакие пояснения.

Ирисы, лилии, мягкий мох и крошечные, аккуратные хризантемы...

Картина была настолько сложной, детальной и изысканной, что от неё буквально захватывало дух. Если бы не объяснения Чу Юня, Ши Цзянь никогда не смог бы унести с собой всё это великолепие, просто глядя на полотно своими глазами.

- Они рисовали не только богов. Они спрятали этот город внутри картины, символизируя вечное сосуществование «веры и мира людей».

Чу Юнь сделал небольшую паузу и добавил:

- Вся реальность и все фантазии заключены в одном мире. То, что ты видишь и чувствуешь в этой картине, на самом деле является отражением тебя самого.

Он закончил свою длинную речь так, словно небрежно, между прочим, подарил самому сокровенный секрет человеку, стоящему рядом.

Когда он обернулся, то на мгновение даже испугался выражения лица Ши Цзяня, который смотрел на него слишком пристально. Этот взгляд был пугающе откровенным.

- Мне здесь нравится.

Он услышал, как Ши Цзянь ни с того ни с сего произнес эти слова.

Они прозвучали внезапно, не будучи ни ответом на сказанное, ни попыткой сделать комплимент.

Ши Цзяню действительно здесь нравилось. В этот раз он не стал раздумывать о том, радуется ли это Чу Юня или нет, но он точно знал, что это признание было ради него.

Тишина этого места была похожа на тихую гавань, специально выстроенную для Ши Цзяня, но для Чу Юня она, очевидно, имела куда более глубокое и важное значение.

Свет, падавший сквозь цветные витражи, ложился на людей, и в этом сиянии Ши Цзянь увидел совершенно иного Чу Юня - здесь тот обретал какую-то иную, особенную жизненную силу.

Ши Цзяню это нравилось.

Нравилось это место, нравился сам Чу Юнь и особенно нравился Чу Юнь в этом конкретном месте.

Чу Юнь небрежно переспросил:

- Что?

Он опустил глаза, потянул Ши Цзяня к выходу и вдруг недовольно нахмурился:

- Зная, что выходишь на улицу в перчатках, неужели так сложно было предусмотреть и взять с собой запасную пару?

Ши Цзянь необъяснимо улыбнулся, словно только что вырвался из другого измерения, стремительно упав из далекого, прекрасного сна обратно в серую реальность.

Чу Юнь грубо схватил его за руку и снова сунул её в карман пальто Ши Цзяня.

Внезапно зазвонили колокола, и торжественная мелодия органа, пронзая массивные каменные стены, мощным потоком зазвучала под высокими сводами.

Ши Цзянь обернулся на звук и увидел неподалеку от собора молодоженов, которые делали свадебные фотографии; тонкая фата невесты была усыпана яркими бликами света.

Эта внезапная, почти ослепляющая святость и чистота момента заставили его замолчать.

- Что? Завидуешь?

Увы, некоторые люди, казалось, были рождены лишь для того, чтобы в одно мгновение разрушать всё прекрасное.

- Хочешь пожениться здесь?

Ши Цзянь лишь слабо улыбнулся, а затем медленно покачал головой.

Он? Пожениться? Но с кем?

В этот момент телефон внезапно зазвонил - это был Ли Чжися. Чу Юнь недовольно нахмурился и сбросил вызов.

Второй звонок последовал почти сразу же. Теперь отвечать было необходимо.

Чу Юнь отпустил руку Ши Цзяня и, отвечая на звонок, вышел из зала.

Ши Цзянь сжал свою опустевшую руку, повернул голову, глядя на прильнувших друг к другу молодоженов, а затем обернулся на удаляющуюся фигуру Чу Юня, и всё же тихо улыбнулся.

Колокольный звон собора был благословением для влюбленных, но для Ши Цзяня он прозвучал как тревожный сигнал. В этой нежной ласке, разлитой в воздухе, не было ни капли, предназначенной специально для него.

Он чувствовал себя лишь искусной подделкой с тем же самым лицом, вором, который дерзко украл чужую любовь.

Он смотрел на Чу Юня, стоявшего вдалеке, и снова бросил взгляд на картину, где небо и земля слились воедино. Как и сказал Чу Юнь, вся реальность и все фантазии были заключены в одном мире.

Телефон в его руке завибрировал, и он, не глядя на экран, нажал на кнопку ответа.

- У меня дела, - раздался голос в трубке.

Чу Юнь обернулся, и его острый, пронзительный взгляд буквально прошёл Ши Цзяня, стоявшего под витражным окном. Такая холодная острота и была настоящим, истинным Чу Юнем.

Ши Цзянь тихо усмехнулся, говоря в трубку:

- Я хочу немного прогуляться, можно?

Неизвестно, насколько сложной была работа Чу Юня в этот момент, но Ши Цзянь, глядя на его размытую фигуру, отчетливо уловил раздражение в затянувшемся молчании на том конце

провода.

- Как хочешь.

Звонок оборвался. Чу Юнь ушел пугающе быстро.

Ши Цзянь убрал телефон, медленно подошел к тому месту, где только что стоял Чу Юнь, и наклонился, чтобы поднять оброненную кожаную перчатку.

Как и он сам, она была брошена здесь, в этом огромном, пустом и пронизывающем холодом соборе.

<http://bllate.org/book/17941/1720610>